

Илларионов Г.А., Мосиенко М.К. «Войны памяти» и проблема социально-эпистемологического релятивизма // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 30–50. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_30

УДК 172.15

DOI 10.17506/26867206_2023_23_1_30

«Войны памяти» и проблема социально-эпистемологического релятивизма

Григорий Андреевич Илларионов

Сибирский федеральный университет

г. Красноярск, Россия

E-mail: bromov1917@yandex.ru

Михаил Константинович Мосиенко

Сибирский федеральный университет

г. Красноярск, Россия

E-mail: mmk1100@mail.ru

Поступила в редакцию 30.01.2023, поступила после рецензирования 05.03.2023, принята к публикации 06.03.2023

Актуальность исследования «войн памяти» косвенно подтверждается растущим числом научных работ, посвященных данному явлению, прямым же подтверждением значимости разработки этой области является тот факт, что в настоящее время «войны памяти» разворачиваются в радикально иных условиях по сравнению с теми, в которых они происходили в прошлом. Сегодня эти процессы протекают в контексте социально-эпистемологического релятивизма, «постправды» и поэтому приобретают новые качества, требующие теоретического осмысления. Цель настоящей статьи – раскрыть трансформации конфликтогенного общественного дискурса в отношении социального прошлого под влиянием социально-эпистемологического релятивизма. Поскольку исследование включает и область взаимосвязи социального прошлого с настоящим, и область социальной эпистемологии, в качестве методов выбраны, с одной стороны, максимально предпосылочно-нейтральный феноменологический метод, с другой – структурный и концептуальный анализ, подходящие для исследования эпистемологических концепций. Основываясь на полученных результатах, авторы статьи приходят к следующим выводам. «Войны памяти», понятие конструктивистски (особенно в рамках социально-эпистемологического релятивизма), не имеют обязательной связи с историческим процессом, они связаны лишь ассоциативно. Такие «войны» существуют в рамках эпистемологически анон-

© Илларионов Г.А., Мосиенко М.К., 2023

мального дискурса: в нем отсутствует институт экспертности, а нарративы само-референтны. «Войны памяти» основаны на противопоставлении «информация – неинформация». Под последней понимается любой нарратив оппонента, который предполагается не опровергать, а просто не рассматривать. Следовательно, цель «войн памяти» состоит не в обосновании истинности нарратива, а в монополизации позиции «рассказчика». При этом современные «войны памяти» отличаются от подобных «войн» прошлых эпох тем, что не создают цельных нарративов, они изменчивы и непоследовательны, поскольку память о прошлом воспринимается как инструмент решения текущих практических задач.

Ключевые слова: «война памяти», постправда, исторический нарратив, аномальный дискурс, конструктивизм, социально-эпистемологический релятивизм

Memory Wars and the Problem of Socio-Epistemological Relativism

Grigoriy A. Illarionov

Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russia
E-mail: bromov1917@yandex.ru

Mikhail K. Mosienko

Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russia
E-mail: mmk1100@mail.ru

Received 30.01.2023, revised 05.03.2023, accepted 06.03.2023

Abstract. The relevance of research on memory wars is indirectly reaffirmed by a growing number of scientific works on this phenomenon, while the direct proof of its significance is the fact that nowadays memory wars are evolving in a radically different context compared to those taken place in the past. Today they occur against the background of socio-epistemological relativism and post-truth and therefore acquire new qualities requiring theoretical understanding. The aim of this article is to analyze the transformations of conflictogenic public discourse in relation to the social past under the influence of socio-epistemological relativism. As this research encompasses both the interconnection between the social past and the social present and the sphere of social epistemology, the methods chosen are, on the one hand, more or less theoretically neutral phenomenological method, and, on the other hand, structural and conceptual analysis – the latter two being appropriate for the study of epistemological concepts. Based on the results obtained, the authors come to the following conclusions. Memory wars, understood from the constructivist standpoint (especially within the framework of socio-epistemological relativism), do not have any necessary connection with the historical process. They are linked only associatively. Such wars exist in the scope of an epistemologically abnormal discourse: it lacks the institute of expertise and its narratives are self-referential. Memory wars are based on the opposition between information and noninformation. Any opponent's narrative is tagged as noninformation, it is going not to be refuted, but just not to be considered. Hence, the aim of memory wars is not to justify the truth of the narrative but to monopolize the role of the narrator. Modern memory

wars differ from similar wars of past eras in that they do not create integral narratives, but remain fluid and inconsistent, because finality and consistency are not their aims: they perceive memory of the past as purely instrumental for accomplishing practical goals of today.

Keywords: memory war, post-truth, historical narrative, abnormal discourse, constructivism, socio-epistemological relativism

For citation: Illarionov G.A., Mosienko M.K. Memory Wars and the Problem of Socio-Epistemological Relativism, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 30-50. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_30

Введение

В инструментарии современной социально-политической активности и в изучающих этот инструментарий направлениях исследований заметное место занимают *memory studies* – исследования коллективной памяти, ставшие популярной методологической формой рассмотрения проблематики связи социального настоящего и социального прошлого. Как минимум одной из причин подобной популярности можно назвать ее очевидную связь с социально-политической практикой, что нашло выражение в словосочетании «войны памяти» – столкновения исторических нарративов и противоборствующих дискурсов, каждый из которых предполагает возможность достижения собственных целей посредством индоктринации индивидуальных и коллективных субъектов. И, вполне в духе постнеклассической научной рациональности, сложно или почти невозможно определить, где заканчивается дискурс самих «войн памяти» и начинается научный дискурс о них. Современный исследователь данной тематики В.А. Шнирельман отмечает, что одним из ключевых участников этнонациональных конфликтов на почве исторической памяти являются собственно историки, выполняющие функцию концептуализаторов и рассказчиков «исторических истин», становящихся позициями «войн памяти» (Шнирельман 2003: 15).

Сам по себе концепт «войны памяти» едва ли оригинален, он является ревитализацией многочисленных аналогичных концептов – «культурные войны», «имиджевые войны», «идеологические войны», «историческая коммеморация» и т.д. Феномен же подобных манипуляций может быть зафиксирован в мировой истории вплоть до древности. Например, в историческом отражении произошедшей в середине II тыс. до н.э. битвы при Кадеше каждая из сторон – хетты и египтяне – зафиксировала собственную победу, о чем оставили свидетельства (Murnane 1990: 55). В качестве примера работ, посвященных подобным «войнам памяти», можно привести исследование Я. ван дер Стеена, анализировавшего схожие конфликты в Нидерландах раннего Нового времени (Van der Steen 2013).

С нашей точки зрения, интересным для философского исследования является не столько сам феномен «войн памяти», обладающий исторической универсальностью и присутствующий в социуме в различных итера-

циях на протяжении известной истории, сколько его актуальное состояние в контексте того «поля боя», на котором «войны памяти» ведутся.

Широкий спектр гуманитарных концептов – от текущей современности З. Баумана, посттрадиционности Э. Гидденса и В. Нойзера до сетевого общества М. Кастельса – говорит о релятивизации общественного сознания, его постпарадигмальности, а конструктивистские методологии и постнеклассическая научная рациональность отмечают релятивизм сознания научного, эпистемологического. Простой формой концептуализации этого состояния стало понятие «постправда» – «обстоятельства, при которых объективные факты являются менее значимыми при формировании общественного мнения, чем обращения к эмоциям и личным убеждениям»¹.

Выбор методологии нашей работы обусловлен тем, что она включает два больших исследовательских поля – тематику взаимосвязи социального прошлого с настоящим и тематику социальной эпистемологии, взаимной обусловленности теоретизированного и концептуализированного познания и сознания массового. Поскольку взаимосвязь социального настоящего и прошлого может анализироваться с почти неограниченного количества позиций, мы, во избежание предпосылочности и предвзятости, обратимся к феноменологическому методу, позволяющему обойти антиномии и противоречия подходов. В рассмотрении же проблематики социально-эпистемологического релятивизма мы обратимся преимущественно к структурному и концептуальному анализу посвященных этой тематике исследований.

Концептуальные основы изучения «войн памяти»

Начнем с того, что обозначим основное понятийное поле, в котором будем вести речь о «войнах памяти». Для этого обратимся сначала к тематике взаимосвязи социального прошлого и настоящего.

Метафора «память» в изучении взаимосвязи социального прошлого и настоящего является итерацией истории исследований воспроизводства социального бытия во времени. Более того, *memory studies* являются результатом применения конструктивистских подходов к обозначенной выше проблематике. Однако смысл конструктивистского подхода к проблематике связи социального прошлого с настоящим раскрывается только в контексте прочих подходов.

«Нулевой точкой» в проблеме соотношения социального прошлого и настоящего мы полагаем подход, который обозначим как «презумпция тождества». Это означает, что какой-либо объект социальной реальности рассматривается как самотождественный, а его протяженность во времени является имманентным свойством. Утрата самотождественности означает исчезновение этого объекта, превращение его в иной объект. Подобное значение имела метафора *traditio*, ставшая в дальнейшем

¹ Word of the Year. Post-truth in 2016 // Oxford Languages. 2016. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/> (дата обращения: 29.01.2023).

основой для соответствующего концепта. Это слово переводится как передача, вручение, в переносном смысле означает передачу прав, обучение¹. Взгляд на связь социального прошлого и настоящего подразумевает, что пока цепочка передач поддерживается и объект передачи сохраняется самоотжественным, традиция поддерживается, когда же ее содержание утрачено, традиция прерывается.

И.Г. Гердер был одним из первых авторов, поставивших вопрос о том, что воспроизводство социального бытия есть не просто имманентный процесс, но особый механизм, обуславливающий характер связи настоящего и прошлого (Гердер 1977). М. Вебер описывал подобные механизмы отношения социального прошлого с настоящим, применяя термин «традиция» к механизму, основанному на социальной привычке, противопоставляя ему ценностно-рациональные и целерациональные механизмы, которые согласно его модернистской концепции должны вытеснить иррациональность традиции, сделать отношения с прошлым осознаваемым и управляемым процессом (Вебер 1990). Эту линию мысли можно назвать объективистской, поскольку она ориентирована на выявление объективных законов функционирования механизма связи социального прошлого и настоящего – независимого от субъектов и детерминирующего их воспроизводства социального бытия. В рамках этого направления мысли Я. Ассманом популяризуется понятие «культурная память», подразумевающее «нейроментальный» уровень функционирования механизмов связи социального прошлого и настоящего (Assmann 2008).

Логос поиска объективных механизмов воспроизводства культуры в объективизме дополнялся этосом модернизации и пафосом Просвещения. К. Маркс высказался об этом следующим образом: «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых» (Маркс 1957: 119). Модернизация – развитие мысли и ее научно-технических плодов – превратит связь социального прошлого и настоящего из иррационального, стихийного механизма традиции в разумно управляемый инструмент преобразования социума (Рахинский и др. 2021). Именно с критикой модернистского подхода к прошлому связано появление нового подхода – конструктивистского.

Конструктивизм отказывает механизму воспроизводства социального прошлого в настоящее в статусе объекта, антропологизируя процесс. Если метафора *traditio* подразумевает человека агентом действия объективированных структур воспроизводства социального бытия – традиции, то конструктивизм помещает это воспроизводство внутрь человека, в его субъективность. Так, культуролог-постмодернист Г. Гласси, говоря о традиции, стремится показать ключевую роль в ней индивидуального творческого начала (Glassie 1995). Для исследователя традиция есть не передача объекта, но переосмысление прошлого, всегда производимое субъектом в настоящем. Связь с социальным прошлым утрачивает в конструктивизме темпоральность, поскольку всегда осуществляется субъектом в его мышлении,

¹ Дворецкий И.Х. 1996. Латинско-русский словарь. Москва : Русский язык. С. 779.

где собственно прошлое – только предмет, который субъект определяет и относительного которого самоопределяется.

Эмпирической базой для конструктивизма в отношении традиции послужили исследования процесса модернизации незападных обществ. Например, Л. Рудольф и С. Рудольф в исследованиях 1960-х гг. показывали, как модернизация социально-политической системы Индии не только не преодолевает традицию, но и образует с ней органичные синтезы (Rudolph, Rudolph 1967). Из более современных источников можно упомянуть исследования влияния конфуцианской традиции на деловую культуру современной КНР (Янь 2004). В западных обществах ряд социологов, таких как И. Риттер, О. Марквард, Г. Люббе, констатировали подъем исторического сознания на волне успехов модерна, что фундировалось возрастанием институционализации практик восстановления прошлого – музеев, «наук о культуре», архивов. Это рассматривалось ими как реализация компенсаторной функции, возвратные процессы традиции на фоне давления на нее культуры модерна (Свистунов 2018).

Социальное прошлое, традиция, в течение XX столетия перестало рассматриваться как преодолеваемое в ходе модернизации. Социальное прошлое, в объективированном виде традиции или его субъективном измерении – «исторической памяти», продолжает быть необходимой частью социального бытия независимо от того, насколько оно модернизировано. Более того, конструктивистки понимаемая связь с прошлым сама по себе начинает рассматриваться как еще один инструмент в преобразовании социума. Среди наиболее известных концептов, описывающих это, выделим «изобретение традиции» Э. Хобсбаума, который объяснял, как конструкты недавнего изобретения в британском социуме функционируют как объекты «исконной старины» (Hobsbawm, Ranger 2014). Речь шла о фольклоре, политических обычаях, «народных традициях» Британии, являющихся очевидным «новоделом», призванным легитимировать ту или иную политическую практику, однако успешно выдаваемых за являющихся объектом *tradition* – передачи из прошлого. Субъективным выражением той же самой идеи можно считать и концепт «историческая память». Такое положение дел мы в одном из предшествующих исследований обозначили как инструментальный подход, то есть рассмотрение прошлого как конструкта восприятия, являющегося инструментом преобразования социального бытия в настоящем через воздействие на носителей этого конструкта (Рахинский и др. 2021).

Концепты «традиция» и «память» означают концептуальное раздвоение, разрыв темы связей социального прошлого и настоящего на идеальную и реальную. Наличие такого разрыва фиксировалось еще в эпоху Просвещения. Как писал Ю.М. Лотман, «вера в прогресс заставляет видеть в истории положительное начало. Но это относится лишь к истории Разума и успехам цивилизации. От этой истории отделяется неразумная история предрассудков, заблуждений, фанатизма. Последние отождествляются с традицией. Идеальной истории Разума противопоставляется реальная история предрассудков» (Лотман 1986: 194). Но если тогда речь шла о чисто идейном и

идеологическом разрыве между объективной историей прогресса и субъективной историей заблуждений, то во второй половине XX в. отношении социального настоящего с прошлым образует разрыв уже функциональный. Речь идет о вполне бодрыйяровском разрыве между «двумя историями»: с одной стороны, реальные, воспроизводимые во времени процессы, явления и институты, заключающиеся в не поддающихся исчислению скрытых связях обуславливания и детерминирований; с другой – история конструкций: «изобретенных традиций», исторических нарративов, «исторической памяти» и ее «войн».

Очевидно, что вышесказанное недостаточно для прояснения вопроса о «войнах памяти». Констатация того, что субъективное восприятие прошлого оторвано от реального прошлого, по сути, является просто констатацией отрыва мнения от предмета, или знака от его означаемого. Оно недостаточно для прояснения активизации «войн памяти». Именно поэтому мы должны поместить его в контекст социально-эпистемологический, что станет второй частью нашего рассуждения.

«Войны памяти» в контексте социально-эпистемологического релятивизма

Когда мы говорим о социальной эпистемологии, чаще всего речь заходит о том, как научное познание определяется социальными условиями его осуществления. Однако есть и обратное отношение, когда мы можем говорить о том, как осуществление познания, в том числе научного, влияет на порождающий его социум. Русский язык предоставляет удобный инструмент для простого выражения этой идеи – рассмотрение, как эпистемологическая категория «истина» взаимосвязана с «правдой» – «истиной на деле», по определению В.И. Даля¹. И именно с понятием «правда» связана социально-эпистемологическая проблематика, концептуализованная в понятии «постправда».

Несмотря на большое количество публикаций на тему постправды в последние годы, ее осмысление в настоящий момент далеко от завершения. С нашей точки зрения, ее проще всего прояснить от противного – будучи феноменом, относящимся к проблематике познания, она противоположна представлению о познаваемости реальности, лежащему в основе любой эпистемологии, обладающей позитивной программой. В начале XX в. логический позитивизм, а затем постпозитивизм в виде, например, критического рационализма К. Поппера, сформулировал утопический проект формирования эпистемологической парадигмы, значительно повлиявший не только на науку, но и на социум в целом. Эта эпистемологическая утопия заключалась в формировании дискурса – научного и общественного, основанного на: стремлении к соответствию высказываний доступной опыту реальности фактов; разумном открытом общественном диалоге; опираю-

¹ Даль В.И. 2003. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Москва : Русский язык-Медиа. Т. 3. С. 308.

щейся на логику и объективность эпистемологической «добросовестности», то есть стремлении видеть реальность такой, какая она есть независимо от мнений и вкусов людей. Описанием того, как должно функционировать общество, основанное на такой эпистемологической утопии, стала концепция «открытого общества» К. Поппера (Поппер 1992), а из более современных итераций можно назвать американскую философию веритизма, представленную такими авторами, как Д. Притчард, А. Миллар, А. Хэддок (Prichard, Millar, Haddock 2010). Они рассматривают эпистемологическую «добросовестность», то есть стремление познавать мир и говорить о нем с опорой на фактическую реальность, как безусловное благо и залог успешного функционирования общества. Постправда как концепт описания общественной проблемы эпистемологического релятивизма стала антиутопией по отношению к эпистемологической утопии позитивистов и веритистов.

В ситуации постправды эпистемологическая ориентация на объективную реальность фактов сменяется полнейшим равнодушием к ней. Драматург С. Тесич, которому приписывают первое использование этого термина, в эмоциональном эссе «Правительство лжи» указывал на такое положение дел в политическом дискурсе США, когда даже официально разоблаченная, явная ложь и дезинформация, приведшие к значительным практическим последствиям, никак не отражались на самом дискурсе, позволяя производить подобное раз за разом (Tesich 1992). Уотергейтский скандал, дело «Иран-контрас», ложь правительства Буша-старшего о войне в Персидском заливе, о которых писал Тесич, могли бы быть дополнены множеством примеров. Насколько эпистемологическая «добросовестность» позитивистов утверждала необходимость апелляции к реальности, настолько же дискурс постправды в реальности не нуждается, согласуясь не с фактами, но с собственными нарративами. Вместо разумного диалога рациональных субъектов, которые описывал К. Поппер, в ситуации эпистемологического релятивизма постправды в дискурсе господствуют «эмоции и личные убеждения»¹.

В постправде мы тоже обнаруживаем разрыв, схожий по структуре с тем, о котором мы говорили ранее в отношении связи социального прошлого и настоящего. Д. Робертс, еще один популяризатор понятия «постправда», определил его через разрыв между *policy*, то есть реальными процессами управления и администрирования, и *politics* – дискурсом, сопровождающим процессы управления и администрирования². Мы можем развить эту мысль в более широком эпистемологическом контексте, говоря о разрыве дискурса и практики. Здесь видно совпадение – историческая память, понимаемая как искусственный конструкт, служащий инструментом настоящего, перестает нуждаться в реальном прошлом, а в эпистемологическом релятивизме постправды дискурс в целом перестает соотносить себя с реальностью.

¹ Word of the Year. Post-truth in 2016 // Oxford Languages. 2016. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/> (дата обращения: 29.01.2023).

² Roberts D. 2010. Post-truth Politics // Grist. 01.04.2010. URL: <http://grist.org/article/2010-03-30-post-truth-politics> (дата обращения: 29.01.2023).

Что это означает для связи социального прошлого и настоящего? Это означает оформление ее самореференции. Социолог Н. Луман определял самореференцию следующим образом: «Каждая операция данной системы отсылает к другой операции данной системы, поэтому можно говорить, что система ссылается на саму себя» (Луман 1999: 204). Для прояснения проведем аналогию. Когда мы говорим о современной новостной сфере, имеем в виду множество медианарративов, коммуникативных действий и их результатов. Имея дело с новостями, мы, не располагая непосредственным опытом относительно предмета повествования, можем соотносить новости только с другими новостями. Новости отсылают друг к другу, СМИ подтверждают или опровергают нарративы при помощи других нарративов, зрители с целью проверки информации одного нарратива также могут обратиться только к другому нарративу. Так новостная сфера самореферентна, за счет чего становится крайне продуктивна в формировании тех или иных субъективных конструкторов – объективная реальность не сдерживает ее, за исключением тех случаев, когда она непосредственно вторгается в опыт слушателя. Аналогичная ситуация в нарративах исторической памяти. Конструкторы памяти реферируют к другим конструкторам памяти, исторические нарративы реферируют к другим историческим нарративам, тем самым порождая коммуникативную реальность «истории» и «прошлого», не ограниченную реальным прошлым и историей. «Войны памяти» – это войны субъективных конструкторов, замкнутых в референции к самим себе.

Самореференция исторической памяти, как и дискурса эпохи постправды в целом, обуславливает бессилие собственно научного познания и эпистемологии в любых возможных коммуникативных «войнах», в том числе и войнах «памяти». Часто можно слышать утверждения о необходимости привлечения научной истории к делу «войн памяти», в русскоязычной литературе – к делу предотвращения «фальсификаций истории». Примеры таких публикаций можно в больших количествах найти в научных изданиях (Токарева 2021; Дорская 2022; Замараева 2022). Но историческая наука, кроме случаев, когда апелляция к ней призвана только замаскировать очередной конструктор исторической памяти, связана реальностью, которую она призвана отражать. Историческая наука стремится познавать реальность, она ограничена ею, несвободна в своих высказываниях, ее объекты изучения сложны и часто неопределенны, методологии противоречивы, результаты неполны, как и в любой науке. Историческая наука не может самореферентно создавать конструкторы, и это обуславливает ее слабость в конструктивистских «войнах памяти» и дискурсе общего эпистемологического релятивизма.

Была ли постправда всегда? Применительно к эпистемологическому релятивизму подобных взглядов придерживаются, например, антрополог Ю.Н. Харари (Харари 2019) и философ С. Фуллер (Fuller 2018). Применительно к прошлому конструктивистский подход демонстрируют сторонники нарративного подхода к истории, в частности, Р. Анкерсмит (Анкерсмит 2007). И в целом значительная часть постструктуралистской философии построена именно на развенчании метафизической мнимой объективно-

сти различных явлений социального бытия. Но даже если вся известная нам история, будь то социальная история или история идей, – это история конструктов, то мы можем рассмотреть это с позиций функционирования социальных институтов, которые подобные идеи вырабатывали и объективировали. Ведь даже если конструктивизм прав в своих взглядах и все социальное бытие состоит из субъективных конструктов, это не снимает вопроса, почему в настоящее время данные конструкты функционируют иначе, нежели в предшествующие эпохи. Вопрос в том, в результате каких институциональных трансформаций эпистемологический релятивизм и «войны памяти» активизировались именно сейчас, и почему они приняли свои текущие формы?

Одной из ключевых трансформаций является трансформация нормативности. Нормы познания – научного или любого другого – предполагают наличие особых ролей, которые мы можем обобщенно обозначить как экспертные. Историческое разнообразие этих позиций крайне велико – от знатоков обычаев и интерпретаторов священных текстов до формально признанных политических или научных авторитетов. Несмотря на различия в парадигмах, целях, методах, способах организации в конкретно-исторических примерах институционализованной экспертности, ключевым ее моментом была выработка «правды», то есть ориентиров знания. Слово «правда» мы в данном случае используем как противоположность постправде, о которой мы говорили ранее. Подобную функцию Р. Рорти приписывал и философии по отношению к эпистемологии, утверждая, что линия мысли, восходящая к Платону, Канту, Локку, «позволила профессиональным философам рассматривать себя в качестве председателей трибунала чистого разума, способных определить, остаются ли другие дисциплины в законных пределах, установленных “структурой” их предмета» (Рорти 1997: 102).

Упадок института экспертности, то есть упадок института выработки правды – нормы знания – популярная тема для философского обсуждения в настоящее время. Ее связывают с трансформацией в коммуникации, рождении массмедиа. Как пишет Н. Луман, «реальность массмедиа... замещает те ориентиры знания, которые в других общественных формациях формировались на основе выделенных позиций наблюдения: благодаря мудрецам, священникам, аристократам, городу, религии или этически и политически выделяющимся формам жизни» (Луман 2005: 72). Открыто говорить об упадке нормативной регуляции знания со стороны экспертов становится популярно в последние десятилетия. В качестве примера можно привести нашумевшую книгу Т. Николса “The Death of Expertise” («Смерть экспертизы») (Nichols 2017). Схожие идеи высказывают П.А. Ореховский и В.И. Разумов, связывая упадок экспертности с карнавализацией М.М. Бахтина (Ореховский, Разумов 2020, 2021). Результатом упадка экспертности является формирование аномального дискурса. Р. Рорти характеризует аномальный дискурс как то, что случается, когда человек, не ведающий об этих конвенциях или оставляющий их без внимания, присоединяется к дискурсу (Рорти 1997: 237). Современная массовая коммуникация

реализует аномальный дискурс весьма наглядно – Интернет и социальные сети создают плюральный дискурс, вступить в который может любой желающий, а успех его вступления определяется не содержанием утверждений, но широтой представленности в коммуникации.

Аномальность дискурса делает невозможным его регуляцию в строгом смысле этого слова, поскольку у нее нет формализованного субъекта, а разрыв с реальностью означает отсутствие определенного объекта. «Войны памяти» – это уже не войны, а скорее коммуникативные массовые драки, ведущиеся в многочисленных каналах массмедиа. Риторически здесь нет логоса, ведь он все же подразумевает эпистемологическую «добросовестность». Основой аномального дискурса становятся этос и пафос.

«Историческая память» в аномальном, не соотносящем себя с реальностью, дискурсе становится пространством эмоционально-этического софизма. «Человек есть мера истории – происходившего, что оно происходило, не происходившего, что оно не происходило», и при этом основой аргументации выступают обращения не к разуму, а к эмоциям и нравам.

Аномальность означает не отсутствие каких-либо норм вообще, а то, что массовая коммуникация не подвержена полноценному регулированию иных социальных институтов, действует согласно своей внутренней схеме. Н. Луман описывал эту схему как код «информация – неинформация» (Луман 2005: 72). Информация – это содержание, которое признано «существующим», которое следует учитывать и которым можно руководствоваться. Иными словами, информация – то, что желают воспринимать. Неинформация, напротив, представляет собой то, что воспринимать и учитывать не желают. В «войнах памяти» неинформация сигнифицируется как пропаганда, промывка мозгов, манипуляция и т.п. На более обыденном языке код «информация – неинформация» можно выразить как «слушать – не слушать». Это вопрос не истинности или ложности сообщений, которую в случае массовых коммуникаций чаще всего невозможно установить, а вопрос того, что адресат информации «услышит», а что нет.

Механизмы и структурные связи «войн памяти»

Код «информация – неинформация» объясняет характер «войн памяти». Их цель – не доказать истинность своих высказываний, ведь это потребовало бы связать себя в своих высказываниях необходимостью соотноситься с реальностью, а пометить сказанное собой как информацию, а сказанное оппонентами – как неинформацию. Иными словам, цель «войн памяти» – не сформировать какой-то постоянный нарратив, миф, идеологию; ее цель – «заглушить» оппонента или, выражаясь актуальным сленгом, «отменить» его. Цель – сделать все высказывания оппонента заведомой неинформацией в каналах коммуникации. Споры вокруг Второй мировой войны – это не борьба за внедрение некоторого убеждения относительно нее, а борьба за право быть рассказчиком нарратива о ней. Аналогично и все многочисленные темы «войн памяти» – это борьба за позицию рассказчика и все сопутствующие ей выгоды. В эпоху постправды какая-либо опреде-

ленность становится скорее препятствием нарративу, заставляя считаться с реальностью. Важна только маркировка своего нарратива и его источников как источников информации, а источников оппонентов как неинформации.

Принцип «войн памяти» значительно отличается от классических войн идеологий, которые требовали формирования и развития собственного последовательного нарратива. Идеологии боролись за установление собственной парадигмы, собственного логоса, и их нарративы так или иначе были вписаны в идеологический метанарратив. Современные же «войны памяти» метанарратива не имеют и не стремятся его построить, они работают не с логосом, но с этосом и пафосом.

Еще одно принципиальное отличие «войн памяти» эпохи постправды от идеологических войн эпохи модерна – их дезинтегрирующий характер. Идеологические войны велись ради навязывания картины мира, парадигмы, языка. Их целью была реализация проектов объединения человечества на базе одной из идеологий. Прошлое выступало только одним из инструментов интеграции в настоящем во имя будущего, причем инструментом глубоко вторичным. В «войнах памяти» позитивные проекты будущего отсутствуют. Ведь если принять тезис о том, что целью «войн памяти» является «отмена» оппонента – исключение его из коммуникации и признание его высказываний неинформацией, то и любой возможный образ будущего строится на негативном основании. Например, западный воукизм базируется на отрицании ценностей предшествующих эпох – развенчании гендерной, расовой, сексуальной, этнической «социальной несправедливости» – прошлого и его артефактов, таких как памятники, произведения литературы, элементы языка, всего, что не соответствует нарративам *woke culture*, причем эти нарративы весьма непостоянны (Beliaev 2020).

Следствием негативного, отрицающего характера «войн памяти» и социально-эпистемологического релятивизма является то, что ключевым действием в них становится не столько запоминание, сколько забывание, забвение. Поскольку, говоря об исторической памяти, мы говорим о конструктах, их забвение можно разделить на первичное и вторичное.

К первичному забвению относится все, что направлено на уничтожение конструктов исторической памяти через уничтожение знаков, служащих их воспроизводству. Уничтожение материальных артефактов, таких как памятники, переименования, табуирование использования определенных слов и понятий. Такой метод конструирования памяти является классическим, и едва ли специфичен для современных «войн памяти». В нашей стране подобные практики в течение XX в. носили регулярный характер и до революции 1917 г. (например, переименование Петербурга в Петроград), и в советский, и в постсоветский периоды. При создании национальных нарративов постсоветское пространство перманентно пронизано первичным забвением.

Но куда интереснее для нас забвение вторичное, поскольку оно более специфично именно для ситуации эпистемологического релятивизма. Здесь речь идет о конструктах второго порядка – конструктах,

описывающих конструкты. Если первичные конструкты исторической памяти – это знаки прошлого, то конструкты второго порядка – это знаки о знаках прошлого. Проще говоря, это то, что говорится о прошлом в дискурсе постфактум. В исторической науке это соответствует историографии, однако историография все же эпистемологична, то есть подлежит экспертной регуляции, а цели ее состоят в раскрытии реальности. При элиминации экспертности основными каналами вторичных конструктов становятся массмедиа, где научность заведомо слабее в коммуникации по причинам скованности необходимостью согласовываться с реальностью. В настоящий момент социальные сети и новостные службы, блоги и каналы в *Telegram* являются полем распространения вторичных конструктов.

Забвение вторичных конструктов исторической памяти означает не «забыть то, что было», как в случае с первичными (безотносительно того, насколько этот конструкт в действительности отражал реальность), а «забыть то, что говорили о том, что было». Это забвение не предмета обсуждения, а предыдущих итераций обсуждения, предшествующих высказываний и знаков в отношении обсуждаемого. Историк А.И. Миллер, говоря о «войнах памяти» Второй мировой войны, фактически связывает их с актуальной повесткой современной международной политики, объясняя изменения дискурса исторической памяти политическими событиями и конфликтами (Миллер 2020). И если с точки зрения политической практики подобные колебания понятны и очевидны, то как такая привязка может реализовываться в контексте эпистемологии? Ведь политическая повестка меняется регулярно, и если мы привязываем к ней историческую память, то должны в каждой новой итерации нашей речи о прошлом забывать итерацию предшествующую. Каждой новой ситуации, каждому новому тренду нужно подобрать соответствующий инструмент – конструкт памяти, ее легитимирующий, а для этого требуется избавиться от инструмента предшествующего.

Приведем пример вторичного забвения конструктов исторической памяти в России. Так, дискурс, связанный с конструктами, предметом которого является Революция 1917 г., пересматривается в течение последних десятилетий с такой частотой и противоречивостью, что попытка представить его в виде последовательного нарратива напоминала бы шизофрению. Революция 1917 г. пережила и продолжает переживать перманентный ребрендинг – «Великая октябрьская социалистическая революция», «Февральский переворот» и «Октябрьский переворот», «Великая русская революция» и т.д. В соответствии с названием менялось содержание этих конструктов. И подобные колебания относятся не только к широкому общественному дискурсу, который всегда противоречив, но и к официальной позиции государства. В первой половине 1990-х гг. преобладал критический нарратив в отношении Революции 1917 г., индикатором чего была отмена каких-либо торжественных памятных мероприятий. В 1997 г. возник нарратив примирения, отраженный в соответствующем президентском указе: «Октябрьская революция 1917 года коренным образом повлияла на судьбу нашей страны. Стремясь впредь не допускать противостояния, в целях единения и консолидации российского общества постановляю: 1. Объявить праздни-

ный день 7 ноября Днем согласия и примирения. 2. Объявить 1997 год – год 80-летия Октябрьской революции – Годом согласия и примирения»¹.

В 2004 г., с учреждением Дня народного единства, нарратив о Революции 1917 г. был подчинен нарративу Великой Отечественной войны, где 7 ноября 1941 г. становилось в иерархии символов первичным по отношению к 7 ноября 1917 г. Как отмечают О.Ф. Русакова и Е.Д. Кочнева, «День военного парада в Москве на Красной площади в 1941-м году “выносил за скобки”, убирал в тень свой символический первоисточник» (Русакова, Кочнева 2017: 19). В дальнейшем в России формировался нарратив, который авторы обозначили как стратегию примирения. При этом данный нарратив демонстрирует заметную парадоксальность, которая «состоит в алогичном соединении идеи всемирно-исторического значения Великого Октября с негативным отношением к любым революционным практикам» (Русакова, Кочнева 2017: 26). Такая непоследовательность и парадоксальность, при этом вполне выполняющая свои функции легитимации, становится возможной благодаря вторичному забвению в каждой новой итерации нарратива. Конечно, предшествующее не забывается в прямом смысле слова, оно становится неинформацией, то есть тем, что перестает учитываться в функционировании массовой коммуникации.

Во вторичном забывании мы можем видеть прямое совпадение описания С. Тесичем политики США, что было концептуализовано им в понятии «постправда», и нашего описания «войн памяти», о которых мы говорим на российских примерах, очевидно подразумевая, что прочие субъекты «войн памяти» придерживаются схожего *modus operandi*. Тесич указывал на аналогичное забвение в отношении событий политической жизни США – как незаметно отошли в небытие громкие скандалы и разоблачения, не имея никаких последствий. Благодаря вторичному забвению цикл превращения информации в неинформацию позволяет деактуализировать любое содержание памяти, как долгосрочной, в случае исторической памяти, так и краткосрочной.

Результаты исследования

Мы можем сформулировать выводы относительно механизмов «войн памяти» в контексте социально-эпистемологического релятивизма.

1. «Войны памяти» основаны на конструктивистском понимании соотношения субъекта с его социальным прошлым, подразумевая «память» субъективным конструктом, рассматриваемым преимущественно инструментально в качестве функционального механизма достижения тех или иных прагматических задач. Будучи конструктом, историческая память опосредовано связана с реальными событиями прошлого, изучаемыми в рамках исторической науки, а в рамках социально-эпистемологического релятивизма, в рамках постправды вовсе теряет связь.

¹ Указ Президента РФ от 07.11.1996 г. № 1537 «О дне согласия и примирения» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/10231> (дата обращения: 29.01.2023).

2. «Войны памяти» осуществляются в рамках аномального, с эпистемологической точки зрения, дискурса. Это означает элиминацию нормативных инстанций, которые можно обобщенно обозначить как экспертов, задающих критерии соответствия высказываний реальности (в случае «войн памяти» – реальности исторической). Высказывания в рамках подобного дискурса не стремятся отражать реальность, ориентируясь исключительно на внутреннюю логику самореферирующих нарративов. Авторитетами в рамках аномального дискурса выступают любые активные участники коммуникации, имеющие большой охват получателей информации.

3. Внутренняя логика «войн памяти» основана на бинарном коде «информация – неинформация», где информация – это содержание, которое признано «существующим», которое следует учитывать и которым можно руководствоваться. Целью «войн памяти» является не столько внедрение какого-либо конкретного содержания или убеждения относительно прошлого, сколько контроль над позицией «рассказчика» этого прошлого, причем нарративы и позиции весьма непостоянны и изменчивы. Содержание «войн памяти» преимущественно негативно, цель – «отмена» оппонента, признание его высказываний неинформацией, а его самого – заведомо несостоятельным.

4. Своеобразие современных «войн памяти» по сравнению с аналогичными процессами прошлых эпох заключается в разнице механизмов. Современные «войны памяти» не подразумевают последовательный нарратив, напротив, они крайне непоследовательны и часто содержательно парадоксальны, не стремятся сформировать единый и последовательный конструкт прошлого. Напротив, дискурс «войн памяти» построен на цикле постоянного забвения собственных предшествующих итераций. Это порождает фрагментарность, кратковременность и ситуативность исторической памяти.

Следует сказать и о перспективах «войн памяти». В большинстве тематических исследований их этос, вполне в духе конструктивизма и инструментального подхода к прошлому, сосредотачивается на разоблачении тех или иных приемов и механик «войн памяти» со стороны ее акторов, а также на указании на необходимость овладения этим инструментарием в целях выживания социумов в современной итерации «борьбы за умы». Однако мало внимания уделяется опасности использования данного инструментария. Метафорически выражаясь, каковы будут разрушения на полях битв «войн памяти», и возможно ли положение вещей, которое могло бы считаться «победой»?

Первая опасность «войн памяти» – их разрушительность. Они могут казаться нарративами больших политических проектов, служащими долгосрочным масштабным целям, каковыми были идеологические войны XX в. Но в действительности они ситуативны, подчинены сиюминутным интересам различных групп, из-за чего их нарратив непостоянен и противоречив. За «войнами памяти» нет основы в виде цели и проекта, они негативны, у них есть только «враг» – враждебный этнос, враждебное государство, враждебная идея, враждебное социальное явление. Безотносительно исто-

рической обоснованности/необоснованности каких-либо претензий и аргументов каких-либо из сторон, результатом «войн памяти» является дезинтеграция, углубление противоречий, эскалация конфликтов, а не их разрешение. «Войны памяти» на уровне государств и культур служат глобализации, распаду мира на враждующие политические лагеря, а на уровне отдельных обществ – трайбализации, фрагментации социума на противостоящие группы, что происходит, например, в современных США на почве «войн памяти» о рабстве, колониализме, религии и т.д., о чем открыто говорят бывшие идеологии глобализации и либерализма, такие как Ф. Фукуяма (Fukuyama 2018). Неважно, кто победит в какой-либо текущей их итерации, чья позиция будет преобладать, поскольку это станет основой для следующей итерации «войн памяти», новых конфликтов. Победа в «войнах памяти» невозможна.

Дезинтеграция и конфликтогенность – это разрушительные последствия «войн памяти» на политическом и социальном уровнях, но не менее разрушительны они и на уровне социально-эпистемологическом. Релятивизм постправды – равнодушного к реальности дискурса – является, вероятно, одним из ставших обыденными воплощений симуляции Ж. Бодрийера, однако это не означает, что реальность перестала быть силой, с которой нельзя считаться, полностью погружаясь в мир конструктов, симулякров и знаков. В случае «войн памяти» можно сказать, что историческая реальность – это не только конструкты исторической памяти, но и основания и причины происходящих общественных процессов, в исторической реальности находятся скрытые и явные механизмы и структуры воспроизводства социума, отношения человека с прошлым вообще, его детерминированность прошлым и его активная деятельность в условиях, прошлым обусловленных. Насколько историческая реальность познаваема – проблема, достойная отдельного рассмотрения, однако «войны памяти» и социально-эпистемологический релятивизм уничтожают даже интенцию к ее познанию, эпистемологическую «добросовестность». Люди, разумеется, всегда в той или иной степени были охвачены в своем отношении с прошлым конструктами, однако в эпоху постправды и «войн памяти» конструкты обретают статус единственного оперативно присутствующего в дискурсе способа отношения с прошлым. Едва ли можно представить себе лучший пример данной мысли, чем текущий конфликт на Украине. Когда акторы бесконечно сложных и комплексных процессов, обусловленных не менее сложными и комплексными процессами прошлого, руководствуются в своих действиях и решениях нарративами и конструктами «Великой Отечественной войны», «борьбы демократий и автократий», «вековой борьбы украинской нации» и т.п., утрачивается возможность разумного поведения, разумного диалога, разумного консенсуса, даже разумного целеполагания. Иррациональность поведения субъектов, ориентирующихся на иллюзии исторических конструктов, что видимым образом приводит к катастрофе, – основная опасность, порождаемая социально-эпистемологическим релятивизмом «войн памяти».

Наконец, третья опасность «войн памяти» в условиях эпистемологического релятивизма заключается в дефляции ценности прошлого вообще. Одним из лейтмотивов нарративов «войн памяти» является активное продвижение идеи о ценности истории, значимости исторической науки, важности ее мировоззренческой и воспитательной функций в рамках образования. Однако результат прямо противоположен заявленной цели. Ж. Бодрийяр отмечал, что главной проблемой социальных систем в семиотизированном обществе массовых коммуникаций становится не столько производство смысла, сколько производство спроса на смыслы. «Спрос на предметы и услуги, пусть и дорогой ценой, всегда может быть создан искусственно: у системы есть соответствующий опыт. Но потребность в смысле, но желание реальности, однажды исчезнув, восстановлению уже не поддаются. Для системы это катастрофа» (Бодрийяр 2000: 48). Быстрый цикл создания и забвения конструкторов исторической памяти в перспективе приведет к дефляции их значений, равнодушию. Спрос на нарративы «войн памяти», особенно в условиях, когда они сопровождаются катастрофами в реальности, приведет к тому, что эта связь социального настоящего и прошлого перестанет быть эффективным инструментом, каковым она является в рамках инструментального подхода к прошлому. «Войны памяти» призваны легитимировать, но калейдоскоп быстро возникающих и быстро забываемых конструкторов уничтожает их легитимирующую функцию, делает людей равнодушными к их знакам. «Войны памяти» призваны мобилизовать, но чем больше происходит употребление этого инструмента, тем в большей степени они ввергнут массы в апатию. «Масса впитывает всю социальную энергию, и та перестает быть социальной энергией. Масса вбирает в себя все знаки и смысл, и те уже не являются знаками и смыслом. Она поглощает все обращенные к ней призывы, и от них ничего не остается» (Бодрийяр 2000: 36).

В завершение нашего исследования отметим, что конструктивизм и инструментальный подход к прошлому отменили объективистское отношение к истории, переведя ее из статуса объективного воспроизводства социального бытия – традиции, в статус инструмента политической прагматики, чем открыли дорогу «войнам памяти». Однако в условиях мира эпистемологического релятивизма, постправды, этот инструмент стал столь же опасен для использующих его, как и для тех, против кого его используют. Ведь пока социумы ведут игры знаков, манипулятивные коммуникации и производство конструкторов, историческая реальность остается столь же опасной, рискогенной и комплексной. «Войны памяти» создают иллюзию, что служат целям управляющих ими, однако в действительности только делают нас слепыми к реальности, заслоняемой иллюзиями конструкторов памяти, и открывают дорогу к новым катастрофам, подобным тем, что уже произошли в последние годы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Анкерсмит Ф. 2007. Возвышенный исторический опыт. Москва : Европа. 612 с.
- Бодрийяр Ж. 2000. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург : Издательство Уральского университета. 96 с.
- Вебер М. 1990. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. Москва : Прогресс. С. 61-273.
- Гердер И.Г. 1977. Идеи к философии истории человечества. Москва : Наука. 703 с.
- Дорская А.А. 2022. Роль международного права в преодолении «войн памяти» // Образование и право. № 5. С. 21-26. DOI 10.24412/2076-1503-2022-5-21-26
- Замараева Е.И. 2022. Проблемы сохранения исторической памяти в эпоху цифровизации // Казанский педагогический журнал. № 3. С. 263-268. DOI 10.51379/KPJ.2022.153.3.034
- Лотман Ю.М. 1986. Архаисты – просветители // Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения / под ред. М.О. Чудаковой. Рига : Зинатне. С. 192-208.
- Луман Н. 1999. Теория общества // Теория общества. Фундаментальные проблемы / под ред. А.Ф. Филиппова. Москва : Канон-Пресс-Ц. С. 196-235.
- Луман Н. 2005. Реальность массмедиа. Москва : Праксис. 256 с.
- Маркс К. 1957. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат. Т. 8. С. 115-217.
- Миллер А.И. 2020. Вторая мировая война в «войнах памяти» // Новое прошлое. № 4. С. 222-231. DOI 10.18522/2500-3224-2020-4-222-231
- Ореховский П.А., Разумов В.И. 2020. Время карнавала: российские высшая школа и наука в эпоху постмодерна // Идеи и идеалы. Т. 12, № 3-1. С. 77-94. DOI 10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-77-94
- Ореховский П.А., Разумов В.И. 2021. Наступление нарциссической культуры: последствия для образования, науки и политики // Идеи и идеалы. Т. 13, № 3-1. С. 84-102. DOI 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-84-102
- Поппер К.Р. 1992. Открытое общество и его враги. Москва : Феникс. Т. 1. 448 с.
- Рахинский Д.В. и др. 2021. Инструментальный подход к традиции в концептуальном и общественном контекстах / Д.В. Рахинский, Г.А. Илларионов, А.Н. Городищева, Н.А. Князев // Социодинамика. № 3. DOI 10.25136/2409-7144.2021.3.35210
- Рорти Р. 1997. Философия и зеркало природы. Новосибирск : Издательство Новосибирского университета. 320 с.
- Русакова О.Ф., Кочнева Е.Д. 2017. Оценки Октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти // Дискурс-Пи. № 3-4. С. 17-30. DOI 10.17506/dipi.2017.2829.34.1730
- Свистунов А.В. 2018. Реконструкция традиций в контексте компенсаторной теории // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. № 3. С. 127-133.
- Токарева Е.А. 2021. Современные войны памяти, или подходы к интерпретации исторических событий в истории, политике и образовании // Преподаватель XXI век. № 3-2. С. 288-300. DOI 10.31862/2073-9613-2021-3-288-300
- Харари Ю.Н. 2019. 21 урок для XXI века. Москва : Синдбад. 416 с.
- Шнирельман В.А. 2003. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. Москва : Академкнига. 592 с.

Янь Я. 2004. Управляемая глобализация. Государственная власть и изменения в культуре Китая // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. Москва : Аспект Пресс. С. 27-56.

Assmann J. 2008. Communicative and Cultural Memory // *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / ed. by A. Erll, A. Nünning. Berlin ; New York : De Gruyter. P. 109-118.

Beliaev V. 2020. Historical-Philosophical Aspects of the Problem of «Inhumane» in Sociocultural and Media Studies // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. Vol. 2, iss. 1. P. 36-51. DOI 10.46539/gmd.v2i1.93

Fukuyama F. 2018. Against Identity Politics. The New Tribalism and the Crisis of Democracy // *Foreign Affairs*. Vol. 97, iss. 5. P. 90-115.

Fuller S. 2018. Post-truth. Knowledge as a Power Game. London : Anthem Press. 209 p.

Glassie H. 1995. Tradition // *The Journal of American Folklore*. Vol. 180, iss. 430. P. 395-412.

Hobsbawm E., Ranger E. 2014. The Invention of Tradition. Cambridge : Cambridge University Press. 320 p.

Murnane W.J. 1990. The Road to Kadesh: A Historical Interpretation of the Battle Reliefs of King Sety I at Karnak. Chicago : Oriental Institute of the University of Chicago. 157 p.

Nichols T. 2017. The Death of Expertise. New York : Oxford University Press. 252 p.

Prichard D., Millar A., Haddock A. 2010. The Nature and Value of Knowledge: Three Investigations. Oxford : Oxford University Press. 288 p.

Rudolph L.I., Rudolph S.H. 1967. The Modernity and Tradition: Political Development in India. Chicago : University of Chicago Press. 306 p.

Tesich S. 1992. A Government of Lies // *The Nation*. Vol. 254, iss. 1. P. 12-14.

Van der Steen J. 2013. A Contested Past. Memory Wars during the Twelve Years Truce (1609-21) // *Memory Before Modernity: Practices of Memory in Early Modern Europe* / ed. by E. Kuijpers, J. Pollmann, J. Müller, J. van der Steen. Leiden ; Boston : Brill. P. 45-61. DOI 10.1163/9789004261259_004

References

Ankersmit F. *Sublime Historical Experience*, Moscow, Evropa, 2007, 612 p. (In Russ.).

Assmann J. Communicative and Cultural Memory, A. Erll, A. Nünning (eds.) *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*, Berlin & New York, De Gruyter, 2008, pp. 109-118.

Baudrillard J. *In the Shadow of the Silent Majorities or, The End of the Social*, Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2000, 96 p. (In Russ.).

Beliaev V. Historical-Philosophical Aspects of the Problem of «Inhumane» in Sociocultural and Media Studies, *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2020, vol. 2, no. 1, pp. 36-51. DOI 10.46539/gmd.v2i1.93

Dorskaya A.A. The Role of International Law in Overcoming “Memory Wars”, *Obrazovanie i parvo* [Education and Law], 2022, no. 5, pp. 21-26. (In Russ.). DOI 10.24412/2076-1503-2022-5-21-26

Fukuyama F. Against Identity Politics. The New Tribalism and the Crisis of Democracy, *Foreign Affairs*, 2018, vol. 97, no. 5, pp. 90-115.

Fuller S. *Post-truth. Knowledge as a Power Game*, London, Anthem Press, 2018, 209 p.

Glassie H. Tradition, *The Journal of American Folklore*, 1995, vol. 180, no 430, pp. 395-412.

Harari Y.N. *21 Lessons for the 21st Century*, Moscow, Sindbad, 2019, 416 p. (In Russ.).

Herder J.G. *Ideas for the Philosophy of the History of Mankind*, Moscow, Nauka, 1977, 703 p. (In Russ.).

Hobsbawm E., Ranger E. *The Invention of Tradition*, Cambridge, Cambridge University Press, 2014, 320 p.

Lotman Yu.M. Archaists – Enlighteners, M.O. Chudakova (ed.) *Tynyanovskij sbornik. Vtorye Tynyanovskie chteniya* [Tynyanov Collection. The Second Tynyanov Readings], Riga, Zinatne, 1986, pp. 192-208. (In Russ.).

Luhmann N. *The Reality of the Mass Media*, Moscow, Praksis, 2005, 256 p. (In Russ.).

Luhmann N. Theory of Society, A.F. Filippov (ed.) *Teoriya obshchestva. Fundamental'nye problemy* [Theory of Society. Fundamental Problems], Moscow, Kanon-Press-C, 1999, pp. 196-235. (In Russ.).

Marx K. The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte, K. Marx, F. Engels *Sochineniya* [Collected Works], 2nd ed., Moscow, Politizdat, 1957, vol. 8, pp. 115-217. (In Russ.).

Miller A.I. The Second World War in Memory Wars, *Novoe proshloe* [The New Past], 2020, no. 4, pp. 222-231. (In Russ.). DOI 10.18522/2500-3224-2020-4-222-231

Murnane W.J. *The Road to Kadesh: A Historical Interpretation of the Battle Reliefs of King Sety I at Karnak*, Chicago, Oriental Institute of the University of Chicago, 1990, 157 p.

Nichols T. *The Death of Expertise*, New York, Oxford University Press, 2017, 252 p.

Orekhovskiy P.A., Razumov V.I. Carnival Time: Russian Higher Education and Science in the Postmodern Era, *Idey i idealy* [Ideas and ideals], 2020, vol. 12, no. 3-1, pp. 77-94. (In Russ.). DOI 10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-77-94

Orekhovskiy P.A., Razumov V.I. The Onset of Narcissistic Culture: Consequences for Education, Science and Politics, *Idey i idealy* [Ideas and ideals], 2021, vol. 13, no. 3-1, pp. 84-102. (In Russ.). DOI 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-84-102

Popper K.R. *The Open Society and Its Enemies*, Moscow, Feniks, 1992, vol. 1, 448 p. (In Russ.).

Prichard D., Millar A., Haddock A. *The Nature and Value of Knowledge: Three Investigations*, Oxford, Oxford University Press, 2010, 288 p.

Rakhinsky D.V., Illarionov G.A., Gorodishcheva A.N., Knyazev N.A. Instrumental Approach towards Tradition in the Conceptual and Social Contexts, *Sociodinamika* [Sociodynamics], 2021, no. 3. (In Russ.). DOI 10.25136/2409-7144.2021.3.35210

Rorty R. *Philosophy and the Mirror of Nature*, Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta, 1997, 320 p. (In Russ.).

Rudolph L.I., Rudolph S.H. *The Modernity and Tradition: Political Development in India*, Chicago, University of Chicago Press, 1967, 306 p.

Rusakova O.F., Kochneva E.D. Evaluations of the October Revolution in the Official Discourse of the Politics of Memory, *Diskurs-Pi* [Discourse-P], 2017, no. 3-4, pp. 17-30. (In Russ.). DOI 10.17506/dipi.2017.2829.34.1730

Shnirelman V.A. *Memory Wars: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia*, Moscow, Akademkniga, 2003, 592 p. (In Russ.).

Svistunov A.V. Reconstruction of Traditions in the Context of Compensatory Theory, *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya* [The Herald of Adyge State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Studies, Cultural Studies], 2018, no. 3, pp. 127-133. (In Russ.).

Tesich S. A Government of Lies, *The Nation*, 1992, vol. 254, no. 1, pp. 12-14.

Tokareva E.A. Modern Wars of Memory or Approaches to Interpretation of Historical Events in History, Politics and Education. *Prepodavatel' XXI vek* [Lecturer XXI century], 2021, no. 3-2, pp. 288-300. (In Russ.). DOI 10.31862/2073-9613-2021-3-288-300

Van der Steen J. A Contested Past. Memory Wars during the Twelve Years Truce (1609-21), E. Kuijpers, J. Pollmann, J. Müller, J. van der Steen (eds.) *Memory Before Modernity: Practices of Memory in Early Modern Europe*. Leiden & Boston, Brill, 2013, pp. 45-61. DOI 10.1163/9789004261259_004

Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism, M. Weber *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], Moscow, Progress, 1990, pp. 61-273. (In Russ.).

Yan Y. Managed Globalization. State Power and Changes in Chinese Culture, P. Berger, S. Huntington (eds.) *Mnogolikaya globalizaciya. Kul'turnoe raznoobrazie v sovremennom mire* [Many Globalizations. Cultural Diversity in the Contemporary World], Moscow, Aspekt Press, 2004, pp. 27-56. (In Russ.).

Zamaraeva E.I. Problems of Historical Memory Preservation in Digitalization Era, *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal], 2022, no. 3, pp. 263-268. DOI 10.51379/KPJ.2022.153.3.034. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Григорий Андреевич Илларионов

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия;

ORCID: 0000-0002-1676-3796;

SPIN-код: 7523-6350;

E-mail: bromov1917@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Grigoriy A. Illarionov

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Philosophy Department, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia;

ORCID: 0000-0002-1676-3796;

SPIN-code: 7523-6350;

E-mail: bromov1917@yandex.ru

Михаил Константинович Мосиенко

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия;

ORCID: 0000-0001-6090-0340;

SPIN-код: 9348-8519;

E-mail: mmk1100@mail.ru

Mikhail K. Mosienko

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Philosophy Department, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia;

ORCID: 0000-0001-6090-0340;

SPIN-code: 9348-8519;

E-mail: mmk1100@mail.ru